
ТЕОРИЯ

В. В. КАНИЩЕВ

СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА (СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ)*

Речные пути с глубокой древности связывали между собой Черноморский и Каспийский бассейны. В VI–VII вв. восточные славяне расселились от Карпат до Средней Волги. К концу X в. в результате княжеской и народной колонизации с юго-запада Киевской Руси на северо-восток и восток большая часть Древнерусского государства располагалась на территории современной России.

В период строительства Белгородской и других оборонительных линий XVII в., проходивших по территории России и Украины, в их возведении и защите участвовали русские и украинцы. Еще до присоединения Б. Хмельницким к России нескольких украинских воеводств Российское государство считало Днепро-Донскую лесостепь своей территорией. Во второй половине XVII в., помимо автономных «украинских полков» в составе России находилось более 20 уездов на территории современной Восточной Украины.

В XVIII–XIX вв. в состав ряда украинских губерний входили русские земли, в состав русских – украинские. С территории Украины на юг и в центр России в XVII – середине XIX в. пролегло несколько государственных почтовых трактов. В XVII–XVIII вв. постоянными торговыми партнерами южнорусских городов были десятки городов Украины. Отсутствие естественных границ на русско-украинском порубежье вело к контрабандной торговле. Это вынуждало Русское государство открывать таможенные и выставлять заградительные отряды. С конца XVIII в. нача-

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-01-00355, и государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

лось заселение Новороссии и украинцами, и русскими, преимущественно из ЦЧР. Такое переселение начиналось под видом отхода на более ранние в Новороссии сенокосные и жатвенные работы, а затем на постоянную работу на донецкие шахты и рудники. На рубеже XIX–XX вв. трудные социально-экономические проблемы рассматриваемых территорий стали толчком к единой российской аграрной революции.

Ключевые слова: *социоестественная среда, русский и украинский народы, историко-генетические, административно-территориальные, служилые, торговые, трудовые связи.*

Общеизвестно единство природных условий Восточно-Европейской равнины. Для историков важно показать, как эти условия формировали единство населения, проживавшего на данной территории. Учитывая обширность проблемы, географически мы решили сосредоточиться на лесостепной территории современного юга Центральной России и Востока Украины, где не было природных преград для общения населения.

Хронологически работа главным образом посвящена периоду Нового времени (XVII – начало XX в.). Однако понимая, что естественные основы взаимосвязей народов формировались веками, мы должны были обратиться либо к раннему Средневековью (по мировой периодизации), либо к древнему периоду (по российской традиции).

С глубокой древности помимо открытых степей речные пути сообщения связывали между собой Черноморский и Каспийский бассейны. Наиболее заметную роль играла водная система Донец – Оскол – Сосна – Дон, которая связывала Приднепровские земли с Доном, а далее – с Волгой. Речные пути этого направления еще в XIX в. изучил известный исследователь водных путей Н. П. Загоскин (1910).

К социоестественным основам восточнославянского единства можно отнести и данные о высокой степени сходства антропологических и генетических характеристик жителей современного юго-запада России и востока Украины. В частности, это наглядно демонстрируют карты, разработанные специалистами по геногеографии Е. В. и О. П. Балановскими. Хотя эти исследователи в работе о русском генофонде не ставили перед собой специальной задачи картографически отобразить генетические признаки жителей современной Украины, их карты постоянно «заползают» в восточно-

украинские земли и показывают полное или большое сходство населения этих земель и соседних российских областей по таким показателям, как цвет волос и глаз, выпуклость лица, гены-маркеры и др. Интересно наблюдение, что среди распространенных фамилий самого юга России встречаются и украинские. Говоря о месте русского генофонда в генетических основах других народов, авторы подчеркивают, что он имел наибольшее сходство с европейским, особенно восточнославянским генофондом. Очень интересен вывод, что наибольшее приближение к среднерусским генетическим особенностям наблюдается на стыке расселения древних племенных союзов северян, вятичей и кривичей, то есть на современных территориях востока Белоруссии, Украины и юго-запада России (Балановская, Балановский 2007: 33 и др.).

В настоящее время большинство российских и украинских археологов считают, что зона расселения восточных славян в первом тысячелетии нашей эры простиралась от Карпат до Верхнего Дона (Обломский 2007; Приходнюк 1998; Славяне... 2012; Баран 1990; Щукин 1997).

Препятствием для движения на восток служили только естественные причины (в частности, крупное затопление в Окско-Донской низменности в VIII в.) (Ковалева, Ковалев 2012).

К концу X в. в результате княжеской и народной колонизации с юго-запада Киевской Руси на северо-восток и восток большая часть Древнерусского государства расположилась на территории современной России, хотя в то же время к Киеву была присоединена и Западная Русь.

Хотелось бы обратить внимание на один очень оригинальный факт, который привел в свое время М. Н. Тихомиров. Он писал о том, что в период Киевской Руси пряслица из розового шифера, производство которого было налажено только в городе Овруч Правобережной Украины, археологи находили от Припяти до Волги, от Днепра до Ладоги. По мнению М. Н. Тихомирова, это свидетельствовало о единстве вкусов всего древнерусского населения (Тихомиров 1975: 13).

Обстоятельства периода феодальной раздробленности не разрушили сложившегося древнерусского единства. Авторы известной

коллективной монографии о древнерусском наследии писали о единстве природных условий славянских земель этого времени, системы сельского хозяйства восточнославянских народов, широких торговых связей между русскими княжествами и Великим Литовским княжеством, особенно отмечали, что «даже в мелких деталях быт населения отдельных районов бывшего Древнерусского государства почти не различался» (Пашуто и др. 1982: 89).

Особое внимание мы уделяем периоду Новой истории, времени с конца XVI в., когда началась русская колонизация Дикого Поля, территории, включавшей русскую и польскую Украину.

В самые последние годы по инициативе тамбовских историков началось изучение окраин Русского государства XVI–XVIII вв. в контексте проблемы развития южнорусского фронта. Участники коллективных проектов были согласны в том, что наибольшие сложности в определении территории этого фронта связаны с отсутствием четких естественных границ в русской и польской Украине.

Воронежский историк О. В. Скобелкин на основе комплекса источников рубежа 1560–1570-х гг. отнес к южнорусскому фронту 26 городов, из которых 4 находятся на территории современной Украины (Скобелкин 2013).

В период строительства Белгородской и других оборонительных линий XVII в., которые в силу естественных причин проходили по территории России и Украины, в их возведении и защите участвовали русские и украинцы («служилые черкасы»). Весьма подробно вопрос о взаимодействии русского и украинского населения в зоне оборонительных линий в XVI – первой половине XVII в. рассмотрели белгородские историки А. И. Папков и В. В. Савина. В первую очередь они отметили, что с конца XVI в. Русское государство считало Днепро-Донскую лесостепь своей территорией и организовывало здесь сторожевую службу. Польское государство не препятствовало продвижению украинцев в этот регион: русские и украинцы вели совместную оборону южных границ обоих государств от татарских набегов. В заключении статьи авторы отметили: «Выделяясь среди русских служилых людей и крестьян, служилые черкасы благодаря этнокультурному родству и общему православному вероисповеданию быстро адаптировались к существова-

нию в России. Вместе с тем в первой половине XVII в. эта адаптация еще не была полной» (Папков, Савина 2013).

В некоторых русских городах воеводы заботились о браках черкас и русских девушек. Ю. А. Мизис приводит факт, что Р. Ф. Боборыкин, будучи в 1640-е гг. воеводой в Козлове, помимо прочего заботился о женитьбе украинцев на местных «девках», чтобы удерживать служилых людей в Центральной России (Мизис 2012: 204). Учитывая то, что Боборыкин служил воеводой в целом ряде городов юга России, в том числе очень близких к Украине, вполне можно предположить, что подобную практику он мог применять и там.

В материалах различных переписей категория «служилые черкасы» отдельно учитывалась до конца XVIII в.

В «Генеральной, учиненной ис переписных книг, о числе мужеска полу душ табели» 1-й ревизии 1720 г. черкасы как особая категория населения упомянуты в Севском, Путивльском, Трубчевском уездах Севской провинции Белгородской губернии, в Орловском уезде Орловской провинции той же губернии (Табель... 1959). Черкасы Воронежской губернии в этих материалах по каким-то причинам не указаны «отдельной строкой». Но они упоминаются в ревизиях конца XVIII в. по большинству уездов Воронежской губернии и таким крупным городам Тамбовской губернии, как Тамбов и Козлов (Болховитинов 1992; И пыль... 1993).

К середине XIX в. категория служилых черкас «растворилась» среди русских государственных крестьян. Но фамилии Черкасов, Черкашин и т. п. до сих пор широко распространены в южной части России.

Во второй половине XVII в. помимо автономных «украинских полков» непосредственно в составе России находилось около 30 уездов на территории современной Восточной Украины: Ахтырский, Богодуховский, Боровленский, Валковский, Волчанский, Вольный, Городной, Змиевский, Золочевский, Изюмский, Каменный, Краснокутский, Краснопольский, Лебединский, Межиричский, Мерсфский, Мурафинский, Рублевский, Недрыгайловский, Олешненский, Путивльский, Салтовский, Сенный, Сумский, Топольский, Харьков, Царев-Борисовский, Чугуевский (Водарский 1977).

Составитель карты административно-территориального деления Российского государства в конце XVII в. известный специалист

по исторической географии Я. Е. Водарский процитировал ходатайство Разрядного приказа 1687 г. об оставлении в его ведении Слободской Украины: «И всегда тех городов казаки бережены были в Розряде, а служили в Белогороцком полку. И ныне пристойно их взять по прежнему в Розряд для того, чтобы черкасы тех городов Белогороцкого полку с служили и жилецкими людьми соединялись и в любовь, и в совет, и братство входили в неразорванное» (Водарский 1977: 179).

В XVII–XVIII вв. в составе Российского государства сложилась историческая область под названием Слободская Украина, в которую входили территории современной Харьковской и частей Сумской, Донецкой, Луганской областей Украины, Белгородской, Курской и Воронежской областей Российской Федерации (Слюсарский 1954).

Государственный крестьянин Тамбовской губернии Е. А. Ковригин, участвовавший в народном ополчении времен Крымской войны, фиксируя пункты прохождения ополчения через территорию Слободской Украины, постоянно отмечал соседство русского и украинского населения: «...пришли в село Осиновку. Встречали с образами и колокольным звоном. Жители – малороссияне... Ночевать пришли в 4 часа вечера в село Зайцевку. Встречали с образами... Живут малороссияне. А 25 числа утром прошли границу Харьковской губернии Старобельского уезда... село Зарёвка. Хутор Николаев... Жители – хохлы. И пришли ночевать в село Стрельцовку. Встречали с образами... Жители и здесь малороссияне {хохлы}».

27-го августа наша дружина пошла в поход утром очень рано. Но я был послан по открытому листу от дружинного начальника на паре лошадей с двумя большими ратниками в заштатный городок Беловодск... Квартира мне была отведена у купца Евстигнея Михайловича Сидорова... Хозяин русский человек – ходит по-русски... Жена его тоже красивая женщина. Волосы черные, разговор – малороссийский. И мы все пили чай за одним столом.

...я приехал в село Боранниковку, где наша дружина дневала... Жители – малороссияне.

29-го августа рано утром вышли в поход и прошли село Даниловку... Жители – русские и малороссияне. На входе в село встре-

чали с образами. Священник после молебна сказывал проповедь... прошли село Сосновку Средней Сотни и село Святодмитриевское. Встречали с образами. Живут русские. И пришли в село Бохмутовку. Жители – русские. Встречали с образами.

... пришли в с[ело] Белое... Хаты построены из белого камня. Жители – малороссияне... пришли в с[ело] Успенское... Жители – малороссияне.

На другой день пришли в село Арехово. Живут русские. И пришли в село Голодаевку... Жители – малороссияне... И 12-го числа пришли в с[ело] Покровское... Жители – малороссияне Екатеринославской губернии, Таганрогского уезда» (Дневник... 2009: 38–42).

Обратим внимание и на единообразие названий русских и украинских населенных пунктов, а также на характер церемонии приема ополченцев с понятными и местным жителям, и дружинникам из Центральной России образами и проповедями.

Тот же Е. А. Ковригин в своих дневниковых записях о паломничестве в Киев и Левобережную Украину воспринимал их как привычную для русского человека среду, а о лесистом Заднепровье писал как о другом мире (Там же: 78).

С территории Украины на юг и в центр России в XVII – середине XIX в. было проложено несколько государственных почтовых трактов: Бахмутский, Мариупольский, Киев – Орел, Харьков – Воронеж, Московско-Харьковское шоссе, Чернигов – Курск и др. Позже здесь пролегли железные дороги Киев – Воронеж, Курско-Харьковско-Севастопольская и др.

В XVII–XVIII вв. постоянными торговыми партнерами южно-русских городов (Белгорода, Болхова, Воронежа, Ельца, Коротояка, Корочи, Курска, Обояни, Оскола и многих других) были десятки городов Украины. Среди них в таможенных книгах часто упоминаются Ахтырка, Батурин, Гадяч, Глухов, Нежин, Переяславль, Сумы, Харьков (Мизис 2006).

Отсутствие естественных границ на русско-украинском порубежье вело к появлению контрабандной торговли в ту и другую стороны. Это вынуждало Русское государство открывать все новые таможни и выставлять заградительные отряды – сначала была открыта Курская таможня, затем жизнь заставила основать еще Воронежскую и Белгородскую (Там же).

Среди лиц, торговавших в городах южной России в середине XVII–XVIII вв., постоянно упоминались черкасы или черкешены, а в отдельных случаях и днепровские казаки. В частности, такие жители украинских земель упоминались в числе торговцев рыбой в Козлове и Тамбове, лошадьми в Белгороде и Воронеже (Мизис 2006).

Интересные данные о влиянии естественных природно-географических факторов на русско-украинские связи вплоть до середины XIX в. содержатся в известном справочнике «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 гг.». Наиболее интересные факты приведены в материалах о городах Курской и Орловской губерний.

В частности, особо отмечено положение города Грайворона Курской губернии, который оказался на перекрестке торговых путей между Харьковской, Черниговской, Полтавской губерниями (современная Украина) и Курской и Воронежской губерниями (современная Россия) (Экономическое... 1863, ч. 1: 11).

Отмечено и особое положение города Старого Оскола, служившего местом ссыпки хлеба из Воронежской и Курской губерний, который часто востребовался при неурожае на Украине (Там же: 29–30).

Важную роль в естественной связи российских и украинских губерний играла брянская пристань на р. Десне, куда подвозились товары из губерний центра России, которые далее отправлялись в «низовые города»: Киев, Кременчуг, Екатеринослав, Херсон (Там же, ч. 2: 13).

В разделе о Курской губернии приведено несколько выразительных фактов относительно промыслового отхода горожан: жители города Дмитриева отлучались преимущественно в губернии Киевскую и Таврическую, Обояни – в малороссийские губернии вообще, в Хотмыжске большая часть мещан в летнее время отправлялась на заработки в южные губернии (Там же, ч. 1: 13, 22, 45). В городе Малоархангельске Орловской губернии многие жители уезжали летом в Малороссию для торговли скотом (Там же, ч. 2: 35).

С конца XVIII в. началось заселение Новороссии. По данным украинского историка Я. В. Бойко, к концу XIX в. 43 % местного

населения составляли украинцы и 30 % – русские. Наибольшее число переселенцев было из ЦЧР.

Я. В. Бойко особенно отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. славяне составляли 70 % населения Таврической губернии. При этом в северной части региона 2/3 составляли украинцы, 1/4 – русские, а в Крыму доля русских равнялась 33 %, украинцев – 12 %. Процесс заселения Тавриды продолжался до 1917 г. Всероссийская сельскохозяйственная перепись (осень 1917 г.) зафиксировала проживание в Таврической губернии 210 тыс. «посторонних» жителей. Основная масса этих людей жила и работала в средних и частных хозяйствах в качестве наемных сельскохозяйственных работников.

Такое переселение шло под видом отхода, во многом вызванного естественными факторами: сенокосные и жатвенные работы в Новороссии начинались на несколько недель раньше, чем в Центральной России, и требовали дополнительных работников. Для перегона многочисленных степных стад скота в центр страны были необходимы тысячи гуртовщиков, среди которых были и русские, и украинцы. С середины XIX в. начинается и заметный отход жителей великорусских губерний на шахты Донбасса, который географически расположен и в Украине, и в России.

Известный земский статистик И. И. Молессон, в частности, работавший в Тамбовской губернии, провел специальное исследование крестьянского отходничества вплоть до уровня отдельных волостей и сел. Такая постановка вопроса позволила совершенно конкретно определить масштабы движения отходников, в том числе на Украину. Количественно он определил 20 фактов отхода в Екатеринославскую губернию, 15 – в Таврическую, 5 – в Одессу.

Десятки жителей Поляковско-Майдановской волости Елатомского уезда, Бедишевской, Криушинской, Стадровской, Теньгушевской, Широмазовской волостей Темниковского уезда, Ольховской волости Моршанского уезда, Соколовской волости Кирсановского уезда, Пахатно-Угловской, Пичерской, Татарщинской волостей Тамбовского уезда, Трубечинской волости Лебедянского уезда, Романовской волости Липецкого уезда уходили в Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую губернии на работы в сельскохозяйственные экономии (Молессон 1901: 37–38, 40–41, 44–51, 94–95,

104–105, 126–127, 130–131). При этом в некоторых случаях речь шла о черноработчих на сельскохозяйственных работах. Другими словами, крестьяне многих волостей и сел далекой от юга Украины Тамбовской губернии готовы были наниматься на любую работу в украинских землях, а владельцы украинских экономий готовы были принимать на работу великорусских крестьян.

Распространенным отхожим промыслом тамбовских крестьян являлся отход «на каменно-угольные копи» в Славянский и Луганский уезды Екатеринославской губернии (Голицинская волость Козловского уезда, Кулеватовская и Питерская волости Моршанского уезда, Пичерская волость Тамбовского уезда, Бреславская волость Усманского уезда) (Молессон 1901: 74–75, 78–79, 110–11, 132–133).

Особенно отметим сообщение из Подворной волости Усманского уезда, в котором отмечалось, что местные крестьяне уходили на временные сельскохозяйственные работы в Славяносербск и другие станицы области Войска Донского. Иначе говоря, они не видели принципиальных различий между современными российскими ростовскими землями и украинскими луганскими землями (Там же: 138–139).

Конечно, можно привести еще немало количество фактов, свидетельствующих о широких социоестественных исторических связях по меньшей мере населения юга России и востока Украины в Новый период российской истории. Полагаем, что приведенного материала достаточно для обоснования существенности такого вопроса.

Обратимся только к еще одному обстоятельству. На рубеже XIX–XX вв. труднопреодолимые социально-экономические проблемы рассматриваемых территорий стали толчком к началу единой российской аграрной революции, которая в 1902 г. вспыхнула на территории от Полтавской и Харьковской губерний до Среднего Поволжья (Анфимов 1998).

Литература

Анфимов, А. М. (ред.). 1998. *Крестьянское движение в России 1901–1904 гг.*: сб. документов. М.: Наука.

Балановская, Е. В., Балановский, О. П. 2007. *Русский генофонд на Русской равнине*. М.: Луч.

Баран В. Д. (отв. ред.) 1990. *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев: Наукова думка.

Бойко, Я. В.

1993. *Заселение Южной Украины, 1860–1890 гг. (историко-экономическое исследование)*. Черкассы: Сіяч.

2009. Расселение и удельный вес переселенцев в Новороссии на переломе XIX–XX вв. *Материалы XXXI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология. Опыт и перспективы*. Кн. 1 (с. 253–265). М.: Вологда.

2011. Заселение Тавриды восточными славянами (конец XVIII – начало XX в.). *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. 17–19 ноября 2011 г.* (с. 315–319). М.: МГУ.

Болховитинов, Е. 1992. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии: *Собр. из историй, архивных записей и сказаний Е. Болховитиновым*. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во.

Водарский, Я. Е. 1977. *Население России в конце XVII – начале XVIII века*. М.: Наука.

Дневник тамбовского обывателя Е. А. Ковригина: Научное издание / сост. В. В. Канищев, С. К. Лямин. Тамбов: Центр-Пресс, 2009.

Загоскин, Н. П. 1910. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань: Лито-типография И. Н. Харитонова.

И пыль веков от хартии отряхнув... Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов: Изд. центр ТГПИ, 1993.

Ковалева, Н. О., Ковалев, И. В. 2012. Роль климатических ритмов в динамике археологических культур в ландшафтах Почежья. В: Кульпин-Губайдуллин, Э. С. (ред.) (соредактор Борисова, Е. А.), *Человек и природа в пространстве и времени. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Вып. XXXVI (с. 97–109). М.: ИАЦ-Энергия.

Мизис, Ю. А.

2006. *Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII в.*: монография. Тамбов: Юлис.

2012. *Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государственной службе)*. Тамбов: Изд. дом «Мичуринск».

Молессон, И. И. 1901. *Краткий очерк некоторых данных об отхожих промыслах Тамбовской губернии в 1899 году*. Тамбов: Губернская земская типография.

Обломский, А. М. (отв. ред.). 2007. *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.)*. М.: ИА РАН.

Папков, А. И., Савина, В. В. 2013. Расселение черкас на южной окраине России в конце XVI – начале XVII в. *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»* 10: 49–60.

Пашуто, В. Т., Флоря, Б. Н., Хорошкевич, А. Л. 1982. *Древнерусское наследие и судьбы восточного славянства*. М.: Наука.

Приходнюк, О. М. 1998. *Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования)*. Воронеж: Воронежский ун-т.

Скобелкин, О. В. 2013. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»* 10: 43–48.

Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968), 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург / сост., ред. О. А. Щеглова, науч. ред. к. и. н. В. М. Горюнова. СПб.: СОЛЮ, 2012.

Слюсарський, А. Г. 1954. *Слобідська Україна. Історичний нарис. XVII–XVIII ст.* Харків.

Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.) / сост. В. М. Кабузан, Н. М. Шепукова. 1959. *Исторический архив* 13: 126–165.

Тихомиров, М. Н. 1975. *Древняя Русь*. М.: Наука.

Щукин, М. Б. 1997. Рождение славян. *Stratum: Структуры и катастрофы: сб. символической индоевропейской истории: археология, источниковедение, лингвистика, философия истории* (с. 110–147). СПб.

Экономическое состояние городских поселений Европейской России 1861–62 гг.: в 2 ч. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863.